

КОГДА ЧЕЛОВЕК перестаёт быть человеком, он не становится зверем. Здесь всё сложнее. Предавший свой пол проваливается ниже критической черты, границы, окаймляющей оба пола. Постмужина предаёт сразу оба пола. Мы имеем дело с монстром, с опасным и непредсказуемым дегенератом. А никак не с "женщиной". Даже думать так оскорбительно.

С женщиной, правда, несколько иначе. Истинная структура её пола самобытна и мало изучена, и такие понятия, как верность/предательство, довольно чётко описывающие мужскую установку, к ней напрямую не подходят. Существует (должен существовать) особый язык, на котором следовало бы описывать женщин и их логику. Это тайный язык или пока ещё не открытый.

Постженщин нет. Их придумали постмужчины. И феминисток нет. Есть жертвы опасного и циничного эксперимента. Их просто жалко, как хромую ворону.

А постмужчины есть. И они виноваты в том, что они делают и кем они становятся. Всё вокруг них начинает гнить, разлагаться, сосклизывать в диссолюцию. Когда их критически мало, они ещё как-то могут иметь место в культуре — в эзотерической маргинальности, эксцентричности, экстравагантной позе. Но стоит постмужчинам стать серьёзным трендом, они превращаются в смертельный высоконтагиозный вирус. Если дать им волю, они уничтожат всё вокруг.

Нечто аналогичное и с теми, кто утрачивает образ человеческий. Здесь всё ещё очевидней. Они не превращаются в зверей — звери, даже хищные или противные мелкие, органичны, гармоничны и никогда не делают того, что не оправдано и не предопределено им их природой. В этом они прекрасны, даже когда несут в себе высшую опасность или раздражают. И мы признаём это, уважительно относимся к животным — как к домашним, так и к диким.

Совсем иные постлюди. Они разрывают связь с нашим архетипом. Они не заключают онтологического контракта со зверями. Человек не может стать зверем. Это выше его сил. И самое главное — у него нет и не может быть невинности, присутствующей каждому зверю. Поэтому постлюди — это тоже монстры, перверты и дегенераты. В древ-

Александр ДУГИН ИЩИТЕ ЧЕЛОВЕКА!

Апология мужчины как возвращение к нормальности

ности их называли химерами или шедди-мами. Есть версия, что это предки обезьян, но обезьяны гармоничны, органичны и обаятельны. Думаю, версия ложная. Не будем обижать обезьян.

Постлюди подрывают человеческое существование так же, как постмужчины предают пол — пол как таковой. Постлюди, обрушивая человека, наносят непоправимый ущерб в том числе и природе зверей.

Экологи (прежде всего глубинные экологи в духе стимпанка или киберфеминизма, тухлущуцена Донны Харауэй) — одна из разновидностей постлюдей. Не в силах быть людьми, они пытаются стать мышьями или галками, но тем самым они оскорбляют грызунов и птиц. Экологи — враги животных, под маской их защитники они скрывают физиономии расчеловечившихся маньяков.

СЕГОДНЯШНИЕ либералы состоят преимущественно из постмужчин и постлюдей. Либерализм — это своего рода постидеология, в которой мысль, идея, мораль обрушиваются ниже критической черты. Именно поэтому современные либералы такое значение уделяют гендерной политике и глубинной экологии. Они полным ходом тащат человечество в океан дегенерации. И если для того, чтобы привести к бытию монстров, слепленых из цelloфановых отходов, водорослей и компьютерных плат, им понадобится ядерная война, в какой-то момент они на это пойдут. То, что в голове у содомита или эколога-цифровизатора, находится за пределом критериев нормальности. Отсюда навязываемые глобальными элитами мутации — через инфосферу, юмористов, виртуальность, соцсети, нар-

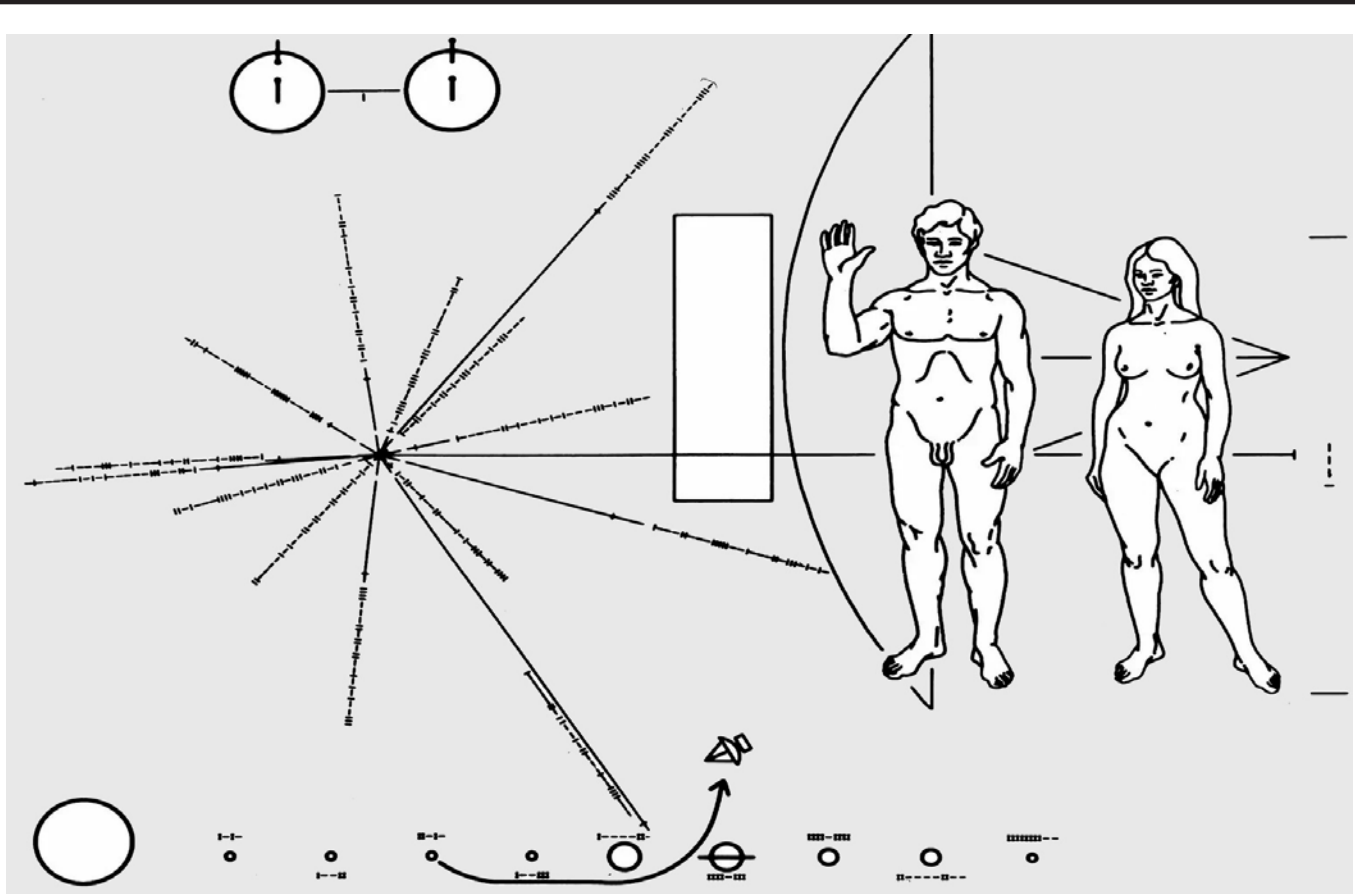
котики, современный городской образ жизни (урбанизм — это один из важнейших инструментов принудительного массового вырождения).

Вот смотрите. В Грузии умеренное правительство предложило ввести закон об иностранных агентах — как в США. Иностранные агенты немедленно подняли восстание. Потому что боялись, что примут решение о том, кто агент, а кто нет, будут не только они сами.

Так же с постмужчинами и постлюдьми. Захватив власть, они сами вводят критерии, что есть норма, что woke, а что нет, и что следует отменить (cancel). Сегодня то, что ещё вчера было нормой в области гендера во многих европейских странах, уже преступление. Завтра ущемление прав компьютера или прожогого муравья может стать основанием для реального срока. И про права человека громче всего вопют те, кто человека ненавидит. Точно так же феминизм — это лишь агрессивная экстремистская версия радикальной мизогинии.

Ситуация осложняется тем, что на очередном витке истории, чтобы часы не оставались там, где мы есть, необходима полноценная апология мужчин (пола в целом) и человека как такового.

Но сегодня именно это категорически воспрещено элитами — даже в нашем обществе. Настолько постмужчины и постлюди в нём уже укоренены. Вопреки традиционным ценностям, закреплённым в указе № 809, в России в области законодательной правящей парадигмы, эпистемы, по-прежнему доминируют либералы. По сути, элита России прямо саботирует решения президента, касающиеся возврата к нормальности. А без

такого разворота ни о какой полноценной апологии речи быть не может.

Вот с этим мы сейчас и сталкиваемся. Мы воюем с либеральной глобалистской цивилизацией, но почти полностью остаёмся под её идеологическим контролем. Пошёл второй год войны, а здесь — вопреки тому, что сказал и сделал президент, царит тотальный саботаж. Это — проблема. И она не в том, как победить, а в том, как начать воевать по-настоящему.

Война — дело мужчин. Война — дело людей. Прежде всего и тех, и тех надо оправдать. А противополож-

ный полюс поместить в специально ответённые для него места.

Ищите мужчину! Ищите человека! Это то, что нам просто жизненно необходимо делать.

Но чувствуете, как это тревожно звучит?! В нас уже вставлены программы, не позволяющие даже думать в этом направлении. И они работают. Нас активно и интенсивно демаскулизируют и дегуманизируют. А кто сопротивляется, того зачисляют в маргиналы, мракобесы, клеймят самыми отвратительными ярлыками, а затем и убивают.

Иллюстрация: информация о «всего лишь» двух полах — мужском и женском — человека планеты Земля, опрочметчиво, с точки зрения нынешней администрации США, отправленная в дальний космос на борту американского автоматического аппарата «Пионер-10» в 1972 году и до сих пор входящая в заблуждение братьев по разуму во Вселенной относительно «истинного количества полов» на нашей планете

Линия Хайнала... Этот термин хорошо знают только демографы, да и то не всем. Некоторые считают, что он имеет чисто историческое значение и давно уже неактуален. А зря: за открытием венгерского учёного стоят смыслы, далеко выходящие за рамки прикладной демографии.

ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ВОСТОК И НАЧИНАЕТСЯ ЗАПАД?

Джон Хайнал, гражданин Великобритании венгерского происхождения, обрёл известность после Второй мировой войны благодаря своим глубоким статистическим исследованиям. Областью его интересов являлась брачность европейских народов на протяжении всего предыдущего столетия. Обработав горы данных, собранных во всех уголках континента, Хайнал сделал неожиданный вывод: Европа делится на две части, разграничиваемые своим отношением к семейной жизни. В одной части материка люди почти поголовно вступают в брак, причём обычно играют свадьбы рано. В другой — не торопятся с заключением брачных союзов, и заметная доля жителей остаётся пожизненными холостяками. Линия, которая разделяет два общества с непохожими брачными стратегиями, протянулась от Петербурга на Балтике до Триеста на Адриатике (Hajnal John. European Marriage Patterns in Perspective/Population in History. London, 1965). Социологи называли её именем автора — линией Хайнала. К востоку от неё брачность ранняя и почти всеобщая, к западу — заметно более поздняя и более избирательная.

Нетрудно заметить, что проведённая венгерским демографом воображаемая черта, отражающая вполне осязаемые социальные различия, близка к исторической границе христианского раскола между православием и католицизмом. Однако это совпадение не абсолютно: в отношении брачности ряд католических народов, таких как литовцы, венгры, хорваты, словаки, скорее попадают в одну компанию со своими православными соседями. Польша же вовсе оказывается разрезанной линией Хайнала надвое: семейные традиции польского юго-востока напоминают брачную стратегию восточных европейцев, а матримонильные обычаи северо-западных воеводств страны говорят о сродстве с европейцами западными.

Более внимательный взгляд на историю двух частей континента позволяет заметить, что территории к востоку от линии (даже те из них, где распространено западное христианство) долгое время находились под контролем незападных держав: Венгрии, Словакии и значительная часть Хорватии в XVII веке входили в состав Османской империи, а существенный фрагмент Польши в XIX веке принадлежал империи Российской. Ещё одно наблюдение: на большой части своего протяжения черта, проведённая Хайналом, совпадает с восточным пределом распространения германских владений: в Прибалтике это рубежи Ливонского ордена, в Центральной Польше — контур сегмента Речи Посполитой, полученного при её разделе Пруссией, а от Силезии до Триеста — древняя граница Священной Римской империи германской нации. Эти факты заставляют предположить, что линия Хайнала и есть визуальное воплощение того самого сакрального разделения между Западом и Востоком: всё, что расположено к западу от неё, — это прелюдная западная цивилизация, а то, что простирается к востоку, — либо не относится к западной цивилизации совсем, либо включено в её орбиту, но так и не стало Западом в полном смысле этого слова.

Хотя заявление Адольфа Гитлера о том, что "граница между Европой и Азией проходит не по Уралу, а на том месте, где заканчиваются поселения настоящих германцев" (Цит. по: Кожин В.В. Россия. Век XX (1939–1964). Опыт беспристрастного исследования. — М.: Алгоритм, 1999), вдохновлено расистской слесью, оно отнюдь не беспочвенно. Если считать Европу не географическим понятием, а культурологическим феноменом, охватывающим

Владимир ТИМАКОВ ГРАНИЦА МИРОВ

О людях Востока и Запада

народы одного культурно-исторического типа с общим набором ценностей, то восточные линии Хайнала начинается, конечно, не Азия, но как минимум "Другая Европа". При всей односторонности гитлеровского мировоззрения, такой взгляд на культурные границы западной цивилизации был достаточно типичен для многих западных европейцев, которые свысока глядели на своих соседей и считали обитателей восточных окраин континента, пуская даже и единоверцев, не вполне своими. Так, например, идейный антипод бесноватого фюрера Фридрих Энгельс также неоднократно подчёркивал культурную чуждость славян, за исключением поляков, прогрессивной революционной Европе (Энгельс Фридрих. Демократический панславизм / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Том 6. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1957). То есть и западноевропейские правые, и западноевропейские левые ощущали разделяющий континент незримый барьер — в основном совпадающий с линией, открытой венгерским демографом.

НЕ ВРЕМЯ РАЗНОЕ — ЧАСЫ ДРУГИЕ!

Впрочем, есть и иная точка зрения. Различия между двумя частями европейского континента можно вывести не из наличия двух оригинальных культур, а просто-напросто из разного уровня развития. Существует соблазн объявить народы юго-восточного региона отставшими от своих северо-западных партнёров, тогда особенности брачного поведения легко объяснить наследием патриархального общества на юго-востоке и модернистских тенденциями, проявляющимися на северо-западе. Мол, подавлявшие индивидуальную волю консервативные обычаи требовали поголовного вступления в брак по достижении совершеннолетия, и задержавшиеся в прошлом восточные европейцы продолжали выполнять эту устаревшую установку даже в первой половине XX века. А вот раскрепощённые западные европейцы к тому времени уже сами определяли свою судьбу, свободно выбирая между семейными узами и холостой жизнью.

Если эта логика верна, то линию Хайнала надо располагать не в пространстве, а во времени, не между востоком и западом Европы, а между её прошлым и её будущим. А значит, с годами современные семейные принципы придут и на восточные окраины континента, стирая призрачную границу, начертанную от Петербурга до Триеста.

Такое модернистское объяснение кажется убедительным — но только в теории. Статистика же отнюдь не подтверждает линейный переход от некоего патриархального общества к тотальной ранней брачности у некоему прогрессивному с брачностью выборочной и поздней. По крайней мере, такой переход не наблюдался в период, изучавшийся Хайналом.

Вот, например, Финляндия — один из образцов типичной западноевропейской семейной стратегии. В 1910 году 31% финских женщин, достигших 35-летнего возраста, так и не вступили в брак. Поколение спустя, в 1940 году, доля "сополонных вдовушек" соответствующего возраста в Финляндии приблизилась к 34%. Вроде бы налицо рост числа незамужних по мере прогресса — если не учитывать, что это второе поколение несостоявшихся финских невест потеряло часть своих потенциальных, более старших, женихов в ходе Первой мировой и Гражданской войн. Зато в 1960 году замужем

не побывало всего 18% 35-летних финок, хотя поколение их женихов понесло самые тяжёлые потери на полях Второй мировой. Получается, что по мере распространения современных тенденций — урбанизации, роста грамотности, укрепления женской независимости и т. д. — финские женщины (как и мужчины, что подтверждает статистика по сильному полу) не стремились освободиться от бремени семейных уз, а напротив, стали регистрировать браки чаще.

Такую же закономерность — рост доли мужчин и женщин, создающих семьи — демонстрировала между 1910 и 1970 годами демографическая статистика Великобритания, Нидерландов, Швеции, Швейцарии и иных стран западного брачного ареала (Народонаселение стран мира: Справочник. Под ред. Б.Ц. Урланиса и В.А. Борисова. — М., 1983). Получается, что именно старое, патриархальное западноевропейское общество сдерживало матримонильную активность.

Иными словами, установки патриархального общества Западной Европы коренным образом отличались от установок патриархального общества на востоке континента. Говоря о линии Хайнала, речь следует вести не о том, что одно общество отстало от другого, даявися по единой для всех дороге прогресса, а о наличии двух разных, оригинальных траекторий движения.

К середине 70-х годов XX века, несмотря на, казалось бы, полностью завершившиеся к тому времени размыивание вековых патриархальных традиций (причём на социалистическом востоке Европы этот процесс разрыва с прошлым шёл интенсивнее, чем на западе), разница между двумя ареалами, обозначенными Джоном Хайналом, оставалась по-прежнему очевидной. Об этом свидетельствует, например, сравнение доли ранних браков в наиболее типичных странах восточной и западной частей Европы.

Демографические различия, выявленные Хайналом, сохранились и внутри Советского Союза, несмотря на единство законодательства и политического строя. Так, например, в 1970 году среди женщин возрастной когорты 30–39 лет незамужними оставалось около 15% украинки, белоруски и русские (восточный ареал), в то время как среди эстонских и латышских женщин (западный ареал) эта цифра составляла 23% (сравнявая эти цифры с приведёнными выше финскими, не забудем, что послевоенные поповые диспропорции в СССР были в два с лишним раза сильнее, чем в Финляндии). В то же время доля женщин, вышедших в 1970-м замуж в возрасте до 20 лет, среди восточнославянских народов примерно вдвое превышала эту долю среди народов Прибалтики (Народонаселение стран мира: Справочник. Под ред. Б.Ц. Урланиса и В.А. Борисова. — М., 1983).

В наши дни брачная статистика может показаться не столь красноречивой, поскольку в обеих частях континента распространились так называемые гражданские, или, на языке демографии, консенсуальные браки, не попадающие в официальные отчёты. Зато неоспоримым доказательством того, что пара создана с серьёзными намерениями (неважно, зарегистрирована она при этом или нет), является рождение детей. Возраст первых рождений в данном случае — отличный маркер, позволяющий сравнить сроки начала полноценной семейной жизни в двух частях Европы. Эти сведения убеждают, что обнаруженные Хайналом различия сохраняются и в наши дни.

Так, по данным Eurostat 2019 года, средний возраст рождения первенцев в России, Белоруссии, Болгарии, Румынии, Словакии, на Украине был около 26 лет, а в германоязычных странах, Нидерландах, Италии, на Пиренеях и в Скандинавии — приближался к 30-летней отметке и даже превышал её.

ГЕН ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ К КРИЗИСУ

Сроки вступления в брак и доля оставшихся холостыми — не единственные параметры, разделяющие европейский континент на Северо-Запад и Юго-Восток. Внимательное изучение статистики заставляет признать, что линия Хайнала актуальна и в других случаях. Например, общества Западной и Восточной Европы отличаются реакцией на экономические кризисы. Когда осенью 2008 года začались мировые валюты и практически во всех экономиках планеты началось снижение ВВП, народы Западаотреагировали практически мгновенно. Уже через 10 месяцев в большинстве западноевропейских стран и в заокеанских ветвях Западного мира (США, Австралии, Новой Зеландии) началось снижение рождаемости. Количество младенцев, появившихся на свет в 2009 году в странах Западной цивилизации, оказалось на 3% меньше, чем в 2008-м. И это при том, что в предыдущие годы там наблюдались умеренно позитивные демографические тренды (Тимаков В.В. Один кризис и две Европы).

Зато в странах восточноевропейского ареала на кризис 2008 года неотреагировали никак. Позитив-

КАЖДЫЙ ЗА ВСЕХ ИЛИ ОДИН ЗА ВСЕХ

Историки обратили внимание, что в странах к востоку от линии Хайнала долгое время сохранялась переделываемая община, где каждая семья получала земельный надел пропорционально числу душ. Пахотные угодья находились в коллективной собственности общины (мира, верви, задруги, ополья и т. д.) и регулярно перекачивались между входящими в неё семьями. Ранний брак и рождение детей были гарантией обретения дополнительных земельных участков при очередном переделе.

В западной части континента, напротив, господствовала передача семейных участков по наследству, причём преобладал принцип майората — наследования всего имущества старшим из потомков. Майорат хорошо знаком нам с детства по популярной сказке Шарля Перро, где отец завещает старшему сыну мельницу (то есть все нажитые средства производства), а среднему и младшему — всего лишь осла и кота. Логика уходящего в мир иной папши очевидна: судьба среднего и младшего отпрысков воплутет его гораздо меньше, чем судьба родного бизнеса: созданная упорным трудом мельница должна сохраниться и ни в коем случае не пойти с молотка при разделе имущества!

Брачная стратегия в западной части Европы тоже оказывалась в прямой зависимости от описанной логики: счастливый наследник мог хот сейчас вести невесту под венец, а обделённым младшим потомкам необходимо было сначала заработать на семейное гнездо, а потом уже думать о свадьбе. Вступление в брак отодвигалось на неопределённый срок, а порой и вовсе оставалось несбыточной мечтой. Отсюда — повышенный процент поздних браков и заметная доля старых холостяков.

Закономерно возникает вопрос: разве переделываемая община и майорат, заложившие старинные принципы брачных стратегий, продолжают оказывать своё влияние на современную демографию? Ведь приведённые в начале статьи примеры брачности и рождаемости относятся ко второй половине XX и к началу XXI века, когда большинство европейскихцев уже перебралось в города и стало зарабатывать на жизнь наёмным трудом, а земельная рента утратила свою былую роль? Неужели эти древние особенности земельного права могут как-то повлиять на выбор современных молодых людей?

Тут мы сталкиваемся с дилеммой, напоминающей известную загадку про курицу и яйцо: законы и обычаи формируют человека или всё-таки человек пишет законы и создаёт обычаи? Судя по всему, принимая ещё в давние века свои правовые системы наследования, люди востока и люди запада Европы руководствовались разными ценностями. Для тех, кто жил к западу от линии Хайнала, во главе угла стояла выгода, для тех, кто обитал восточнее — справедливость.

Возможно, западным европейцам не понравятся такие формулировки, и они заметят, что их интересует не прибыль, не барыш, а качество жизни, мол, богатая жизнь имеет смысл, а бедная — бессмысленна и ужасна. Незачем создавать необеспеченные семьи и рождать нищих детей, обрекая их на беспросветное существование. Так думали составители завещания средневековые западные европейцы, когда отвечали на вопрос, дробить имущество или сохранить один, но достойный зажиточной фамилии надел. Так же думали их далёкие потомки в 2008 году, когда отвечали на вопрос, стоит ли планировать пополнение семьи в разгар кризиса. Эта логика рационально объяснима, но для нас, большинства восточных европейцев, неприемлема.

Большинству из нас кажется странным, как можно отложить такую радость, как рождение ребёнка, из-за такой мелочи, как снижение уровня жизни на 8%, тем более на 4,5%! Уровень потом восстановится, а человеческую жизнь не вернуть. И вовсе дикостью выглядит в наших глазах способность целиком отдать богатство единственному сыну, лишив наследства всех остальных. Мы не считаем правильным никакое иное деление семейного богатства между братьями и сёстрами, кроме равных долей. Этот закон жизни с лёгкостью переносится и на большую семью — крестьянскую общину, и на огромную семью — всю страну. Хотя по-настоящему, да на всех хватит, главное — чтобы никто не остался обижённым. "В тесноте, да не обиде", "Хоть тесно, да вместе", "Что есть — вместе, чего нет — пополам", "С миру по нитке — голосу рубашка", "Не имей сто рублей, а имей сто друзей" — такова вековая логика русского и духовно близких ему народов.

Неслучайно попытки самостоятельно построить социалистическое общество делались преимущественно по восточную сторону линии Хайнала, а в западной части Европы, несмотря на то что именно оттуда вышли первые течения социализма, коллективистские идеи не прижились. Зато на востоке континента осталась невостребованной нацистская

идеология жёсткой селекции людей, которая к западу от линии Хайнала торжествовала не только в гитлеровской Германии, но и в многолетней практике Британской, Голландской и иных колониальных империй. Такая популяризация континента в эпоху больших тотальных идей — ещё одно свидетельство глубинных ценностных различий соседствующих в Европе обществ.

Можно сказать, что исторически на полюсах Европы сложилось принципиально иноекое понимание смысла экономической деятельности. На Западе экономика — сакральный процесс воспроизводства материальных ценностей, ориентированный на получение максимальной прибыли. На Востоке экономика — технический инструмент воспроизводства людей, цель которого — обеспечить выживание максимальной доли близких и соотечественников. Люди умножают богатства или богатство умножает людей — вот осевая вопрос разделения. Отсюда столь глубокая пропасть между принципом майоратного наследования и принципом переделываемой общины. Первый безжалостно швырял обделённых потомков в море социал-дарвинистской конкуренции ради сохранения целостности бизнеса, второй безжалостно дробил главный источник доходов ради равных шансов для всех обиточников заработать средства пропитания.

Современная наука ещё не разработала достоверных методов анализа глубоких общественных различий. Цивилилогия, говорящая о качественном несоответствии локальных цивилизаций, опирается преимущественно на философские заключения и обобщения, не имея развитой статистической доказательной базы. Социология, накопившая колоссальный объём количественных данных, не рискует подняться на ступень их качественного анализа, позволяющего нащупать социальные или культурные коды, определяющие разнообразие существующих на Земле больших обществ. Кажется, Джон Хайнал одним из первых прикоснулся к продуктивной области научного пограничья, где может быть снято это противоречие, и откроется новое понимание тех феноменов, которые Николай Данилевский называл культурно-историческим типом, а Арнольд Тойнби и Самуэль Хантингтон — цивилизацией.

НОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ НОВОЙ ЭПОХИ

Кстати, линия Хайнала остаётся актуальной не только при анализе брачности и рождаемости. На этой незримой границе сплотнулись триумфальное шествие нового гендерного мировоззрения, разрушающего традиционное представление о семье как союзе мужчины и женщины.

В начале XXI века произошла революционная перемена семейного законодательства, приведшая к легализации однополых союзов во всех странах "бесспорного Запада". Кульминация этого процесса пришлась на 2009–2016 годы, когда гомосексуальные пары были уравнианы в правах с нормальными семьями сразу в 12 западных странах, не считая государств-карликов. Это означает, что мы имеем дело не с параллельной эволюцией независимых национальных правовых систем, а именно с цивилизационным событием, охватившим сразу все страны одной культурной группы. В то же время упрямые попытки "западного ядра" Евросоюза распространить такую же практику к востоку от линии Хайнала натолкнулись на упорное сопротивление. Так, в Словакии скандальный законопроект вносился в парламент четыре раза и четырежды был отвергнут, в Словении с трудом провадленный через представительный орган закон был заблокирован общенациональным референдумом, до сих пор не удалось урвать однополые союзы с семьями в Венгрии — не говоря уже о странах, расположенных ещё восточнее обозначенной культурной границы (Тимаков В.В., Тимаков И.В. Декристинизация Запада на примере отношения к абортам и однополым союзам / Вестник Экспертного совета ВРНС. № 3, 2017 г.).

Зримо представить виртуальную границу двух миров позволяет раскладка политических сил при голосовании по этому крайне болезненному вопросу. Если в типичных западноевропейских странах легализация ЛГБТ-союзов проходила с внушительным перевесом сторонников новой гендерной политики, то в разрезанной линией Хайнала Польше голоса депутатов Сейма разделялись почти пополам: 228 голосов против 211. В Румынии же противоречий традиционным семейным представлениям законопроект был провален абсолютным большинством — 298 голосов против четырёх (Рассторгуев В.Н., Тимаков В.В. НКО как фактор мягкой силы цивилизации: применение цивилизационного подхода к изучению "третьего сектора" / "Третий сектор" в мире: модели гражданской активности в XX–XXI вв. — М., РГТУ, 2021 г.). Очевидно, что "гомосексуальная революция", победившая в западном мире, здесь столкнулась с другим типом общества, чьи ценности не позволяют так стремительно менять ориентиры.

Конечно, те, кто уверен в скором глобальном торжестве Западной цивилизации, которая переучит и перестроит на свой манер все остальные общества, хотели бы сдать открытие Джона Хайнала в архив, на склад научного антиквариата. Однако история, похоже, расправляется по-другому, находя всё новые и новые подтверждения правоты провидительного демографа.

Новый номер (9 (107)) журнала "Изборский клуб" осмысливает тему "Россия и Запад: глобальный разлом" и посвящён 200-летию Николая Данилевского. Открывается издание статьёй Александра Проханова "Религия Справедливости". В номере также представлены работы "Истина и блеф" Константина Черемных, "Обретение русскости" Евгения Павлова, "Стрasti Запада и мы" Михаила Ермолаева, "Россия и Европа в зеркале теории самоорганизации" Георгия Малинецкого, "Украина: агрессия постмодерна" Сергея Чернышова, "Нацпроект "Славянская письменность" Михаила Кильдяшова. В беседе Андрея Кобякова с Александром Буренковым "Теории Данилевского как основы идеологии для России" говорится: "Надо, наконец, понять, что холодную войну мы не проиграли в 1991 году, а проиграли только сражение, так как Россия осталась, следовательно, задачей холодной войны Запад не решил. Сегодня западная политическая элита это осознала и прямо ставит задачу уничтожения России, нашей государственности. На Украине мы ведём СВО, а Запад против нас ведёт настоящую войну, сделав из ВСУ свою наёмную армию, вооружая её за счёт своего военно-промышленного комплекса и управляя ею через своих офицеров — от штабов до боевых порядков". Обсуждается предупреждение Данилевского о крахе России в случае, если она не избавится от европейщины и не выйдет из политической системы Запада, если не вернётся на самобытный путь развития. В работе "Реактуализация Данилевского: 2022 год в повестке "России и Европы" Вардан Багдасарян пишет: "Существуют свидетельства, что книга Николая Данилевского "Россия и Европа" составляла предмет чтения И.В. Сталина... Ещё более корреспондируют идеям автора "России и Европы" апелляции Сталина к единству славянского мира. Лидер советского государства полагал, что такое единство является единственной гарантией от угрозы нового пангерманизма... Сталинская геополитика строилась как будто по лекалам панславистского проекта Н.Я. Данилевского. Границы советского блока в Восточной Европе были близки описанным в его книге границам Славянской федерации". Рубрика "Библиотекарь" знакомит с новыми книгами членов и экспертов Изборского клуба. Это "Украинские угрозы для Пекина" Юрия Тавровского, "Цифровая революция. Преимущества и риски. Искусственный интеллект и интернет всего" Елены Лариной и Владимира Овчинского, "Новая экономика России. Экономика Сталина или экономика колоний. Алгоритм и исторический опыт выхода из-под санкционных ударов" Валентина Катасонова. "Стихия" представляет творчество Игоря Кириллова.

Справки по телефону 8 (885) 256-91-24